

© П.С. Куприянов

Обзор конференции «Фольклор и мифология в научно-популярном пространстве», ЦТСФ РГГУ, 24 апреля 2025 г.

О конференции «Фольклор и мифология в научно-популярном пространстве», состоявшейся 24 апреля в Центре типологии и семиотики фольклора РГГУ, можно уверенно сказать, что она была ожидаема и даже в известном смысле неизбежна. Ее неизбежность определяется двумя факторами. С одной стороны, в последние годы фольклорная и этнографическая тематика становится все более востребованной в массовой культуре, осваивается и воспроизводится в разных форматах, от книги до подкаста. С другой стороны, в этих процессах все активнее участвуют ученые — фольклористы, этнографы, антропологи — так что *популяризация* фольклористики и фольклора становится значимой частью *научной* деятельности, что требует осмысления и обсуждения. Словом, разговор на заявленную тему давно назрел, и неудивительно, что он был инициирован и проведен именно в ЦТСФ: здесь всегда остро чувствуют и живо откликаются на по-настоящему актуальные научные вопросы и запросы, а кроме того, среди ученых, вовлеченных в упомянутые процессы популяризации, немало выпускников и сотрудников центра.

Впрочем, круг участников конференции ими не ограничивался: помимо РГГУ на ней были представлены разные научные и образовательные институции: ИЭА РАН, ИЯ РАН, МГУ им. М.В. Ломоносова, НИУ ВШЭ, РАНХиГС, а также Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы и Институт стратегических исследований в Уфе. А кроме исследователей, в конференции участвовали и другие специалисты, причастные к популяризации фольклора: представители издательства МИФ и ведущий подкастов «Страшные сказки».

Программа конференции была выстроена в дедуктивной логике: за докладами обобщающего характера, направленными на систематизацию и проблематизацию заявленной тематики, следовали выступления, посвященные конкретным форматам существования фольклора в популярном пространстве, таким как книга, музей, подкаст и даже психологический семинар-тренинг, а также рассматривались формы творческой апроприации фольклорного тек-

Куприянов Павел Сергеевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела русского народа ИЭА РАН. e-mail: kuprianov-ps@yandex.ru <https://orcid.org/0000-0001-9856-3159>

Для цитирования: Куприянов П.С. Обзор конференции «Фольклор и мифология в научно-популярном пространстве», ЦТСФ РГГУ, 24 апреля 2025 г. // Антропологии/Anthropologies. 2025. No 2. С. 119–125, <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2025-2/119-125>

ста в массовой культуре. Практически каждый доклад сопровождался оживленным и конструктивным обсуждением, продолжившимся общей дискуссией после завершения основной программы.

Конференция началась с сообщения директора ЦТСФ Ольги Христофоровой *«Полилог организаторов, экспертов и публики: проблемные зоны»*, в котором она сначала напомнила о развитии в России популярной науки (в том числе фольклористики) в последние десятилетия, отметила специфику сегодняшнего массового интереса к фольклору, заключающуюся, по ее наблюдениям, в запросе на его социальную функцию, а затем предложила общую концептуальную рамку для обсуждения заявленной темы, представив сферу популярной науки как проблемный полилог трех коллективных акторов-участников: организаторов, публики и экспертов.

На этой же принципиальной схеме был основан и доклад Натальи Петровой (РГГУ, РАНХиГС) *«Вопрос эксперти: чего хотят от фольклориста организаторы и посетители научно-популярных мероприятий?»*, развивающий и углубляющий тему сбоев и поломок, возникающих в коммуникации между организаторами, публикой и экспертами в пространстве популярной науки. На основе разных источников (интервью, публикаций в интернете, личного опыта) докладчица последовательно рассмотрела для всех трех акторов мотивации участия в популяризации фольклора и возникающие при этом сложности. Результаты анализа получились довольно неутешительные — сбоев и поломок оказалось довольно много — однако, по оптимистичному мнению исследовательницы, с ними можно справиться посредством открытого диалога между участниками. В ходе доклада Наталья затронула важный вопрос — о содержании понятия «популяризация фольклора», отметив, что наряду с привычным форматом выступления приглашенного эксперта перед публикой, к ней можно смело отнести и публикацию материалов и фольклорных баз данных, обеспечивающих доступ к ним широкой публики, а также профессиональный блогинг, при котором исследователь «напрямую» выходит в публичное пространство.

Рассуждения о фигуре эксперта были продолжены в следующем докладе *«Мифология мифологии, или Эксперт как (мнимая) величина»*: Кирилл Королев (ИЭА РАН) задался вопросом о том, кто такой эксперт, и отметил конструируемость этого статуса, показав на примерах из собственного опыта, как в разных ситуациях эксперт каждый раз «производится» организатором, в результате чего тот оказывается в зависимой позиции и теряет собственную субъектность, становясь агентом организатора. Докладчик также заострил проблему монетизации знания, отметив, что существование в ситуации рынка накладывает на эксперта разные ограничения, требует компромиссов и ставит перед непростым выбором между «чистой наукой» и наукой в медиасреде. Прозвучавшая в докладе тема (не)различия «правильных» и «неправильных», «подлинных» и «мнимых» экспертов в ходе дискуссии была переформулирована в вопросы о критериях выбора экспертов разными акторами, в том числе — о механизмах легитимации, принятых в научном сообществе.

Надежда Молитвина и Анна Устинова из издательства МИФ в своем докладе *«Фольклор и мифология как темы издательских серий»* представили взгляд на озвученные проблемы из другой позиции — издателя. Надежда

рассказала о том, как издатель ищет и выбирает экспертов, отметив, что в отношениях между ними большую роль играет взаимное доверие — не только издательства к эксперту как специалисту по теме, но и эксперта к издателю как профессионалу в своей области, знающему рынок, актуальные тренды и запросы аудитории (последние, как оказалось, служат едва ли не основным фактором, определяющим выбор тематики и авторов). Анна представила подробный рассказ обо всех этапах взаимодействия с автором в процессе производства книги, также сделав акцент на структурных ограничениях, не зависящих от издательства, но влияющих на итоговый продукт. Например, использование в книгах изображений архаичных национальных костюмов, приводящее к нежелательной экзотизации описываемых культур (на что сетовала Наталья Петрова), по словам Анны, объясняется не волей или вкусом издателя, а юридическими требованиями и запретами, касающимися использования современных изображений. Так или иначе, из доклада Анны и Надежды следовало, что не только эксперт, но и организатор (в данном случае издатель) не обладает полной субъектностью, поскольку вынужден считаться как с объективными ограничениями, так и с запросами публики.

Виктория Новикова (РГГУ), рассказывавшая в докладе *«„Детские“ мифы; мифы для детей»* о своем опыте работы над книгой по мифологии для детей, конкретными примерами проиллюстрировала многие вопросы, поднятые в предыдущем докладе: и невозможность использовать орнамент с музейного экспоната, и избегание запретных для детской аудитории тем (курения, алкоголя, секса), и вынужденное упрощение или редактирование текста. Среди прочего Виктория поделилась тем, как ей пришлось адаптировать свой текст под предполагаемые запросы детской аудитории, формулируемые редактором. Неожиданным образом эта вынужденная подстройка под воображаемую аудиторию обернулась не ограничением, а новой возможностью: чтобы предвосхитить «детские» вопросы, автору потребовалось разъяснить логику мифа и закономерности построения мифологического текста.

В докладе была поднята и тема книжных иллюстраций, как оказалось, также сопряженная с рядом проблем, в том числе специфических. Например, отсутствие в описываемой культуре изображений божеств и духов подталкивает автора и художника к созданию собственных образов, что ставит перед ними вопросы этического характера: насколько корректно и этично представлять мир божеств и духов «за других»? Как избежать колониальности в этой позиции? Как соотносить собственное воображение и «фольклорную» эстетику? Эти непростые вопросы требуют непростых решений.

Из доклада Германа Устьянцева (МГУ, ИЭА РАН) *«Демоны для „широкого круга читателей“». Опыт написания книги по низшей мифологии Урало-Поволжья»* следовало, что при работе над своей книгой о мифологии народов Урало-Поволжья, он столкнулся со схожими проблемами — передачей названий персонажей на кириллице, необходимостью унификации написания мифонимов, создания изображений демонов при отсутствии аутентичных референсов. В докладе было особенно ярко видно, как сложность описываемого материала вступает в противоречие с требованием доступности популярного изложения. Скажем, репрезентация близких и в то же время разных культур поставило перед автором непростые задачи: избежать, с одной стороны, некорректных обобщений (например, представления локального варианта

как общезначимого, или объединения идентичных вариантов, распространенных в разных культурах), а с другой стороны, излишней для популярной книги детализации и вариативности. И здесь автору то и дело приходилось принимать волевое решение о том, как в каждом конкретном случае проводить границы, «объединяя» или «разделяя» мифологические представления тех или иных групп. Проблема колониальности, в принципе присущая антропологическому исследованию, здесь, в ситуации популярной репрезентации культуры, проявляется особенно выпукло.

Теме иллюстрирования мифологических сюжетов и персонажей, поднятой в докладе Виктории Новиковой и продолженной Германом Устьянцевым, было специально посвящено выступление Татьяны Михайловой (ИЯ РАН) «*О вестнице смерти ирландского фольклора: иллюстративный ряд*», в котором она рассказывала о подборе иллюстраций к недавно изданной книге о банши — вестнице смерти в ирландском фольклоре. Как и в двух предыдущих случаях, автор сталкивается с отсутствием оригинальных изображений персонажа, однако решает эту проблему иначе, чем коллеги, выбирая в качестве иллюстративного ряда изображения той повседневной среды, в которой циркулировали тексты о банши. Таким образом исследования об ирландском мифологическом персонаже оказывается проиллюстрировано фотографиями домов, людей, ландшафтов и предметного мира Ирландии конца XIX — первой половины XX вв., что для популярной книги выглядит оригинальным и удачным решением.

На второй сессии конференции обсуждались иные (не книжные) формы презентации фольклора в публичной среде — для которых, как выяснилось, так же актуальны многие из обозначенных выше проблем. Доклады Дмитрия Лебедева (студия «Терменвокс») «*Кошунственное отношение к первоисточнику: зачем переписывать сказки для подкаста?*» и Надежды Рычковой (РАНХиГС) «*Фольклор в подкастах: между экспертом и ведущим*» были посвящены популярному подкасту «Мрачные сказки», над которым они совместно работают на протяжении длительного времени. Дмитрий сконцентрировался на том, каким трансформациям в подкасте подвергаются тексты сказок: они сокращаются (чтобы «уместиться» в хронометраж), изменяются (для театрализованной передачи) и, наконец, дополняются быличками (для обеспечения заявленной «мрачности»). Все эти изменения докладчик охарактеризовал, с одной стороны, как некорректные (а некоторые даже как «кошунственные») с научной точки зрения, а с другой стороны, как вынужденные, предпринимаемые авторами не по собственной воле, а в силу технических ограничений формата, и обусловленные запросом аудитории.

Надежда продолжила разговор о вынужденной адаптации материала под формат подкаста и ожидания слушателей, но через сравнение позиций эксперта и ведущего: если первый отвечает только за свою тему и основывается на собственном материале, то второй вынужден быть универсальным специалистом, знающим точные ответы на все вопросы. Эксперт, ставший ведущим (как Надежда), испытывает двойное давление: в глазах слушателей он выглядит недостаточно уверенным и компетентным, а для коллег предстает нарушителем профессиональных конвенций. Охарактеризовав перед лицом профессионального сообщества свою деятельность как отступление от научных стандартов и «сделку с совестью», Надежда привела как минимум два

«оправдания». Во-первых, популяризация фольклора — это, по ее мнению, социальная миссия фольклористов, которые призваны быть посредниками между фольклором и обществом, проявляющим к нему интерес, а во-вторых, «поход» ученого в ведущие подкастов может быть представлен как «выход в поле», то есть как включенное наблюдение, предпринимаемое в рамках антропологического исследования популяризации фольклора как культурного феномена.

Елена Левочская (РГГУ) и Наталья Иванова (независимый исследователь) в своем докладе *«Лаборатория инициаций: причитания как опыт»* представили очень своеобразный кейс, отличающийся от всех прочих тем, что он предполагал не просто представление фольклора аудитории (в виде книжного или устного текста), а активное исполнение его самими участниками. Речь шла об организованных Еленой и Натальей семинарах по обучению причитаниям. В докладе было рассказано об аудитории семинаров (состоявшей из женщин от 30 до 60 лет, интересующихся как фольклором, так и психологическими практиками), об их структуре (включавшей как знакомство участниц с жанром причитаний, так и освоение навыков составления и исполнения собственного текста), о мотивациях и реакциях организаторов и участников. Семинары преследуют одновременно довольно разные цели: просветительские (знакомство с традицией), творческие (самореализация) и терапевтические (проработка травм) — но, по мнению докладчиц, это сочетание при соблюдении правильного баланса довольно точно соответствует именно фольклорному плачу. При всем отличии данного случая от всех предыдущих, характерно, что Елена, знакомящая слушательниц с традицией причитания, столкнулась с теми же вызовами, что и ее коллеги: по ее словам, ей нужно было дать людям то, за чем они пришли (то есть, например, просоответствовать их представлениям о фольклоре и традиции как «культурном / генетическом коде») — и в то же время сопротивляться этим ожиданиям, транслируя более научный взгляд.

С обременительной необходимостью соответствовать внешнему запросу столкнулся и Василий Воробьев (НИУ ВШЭ, РГГУ) в ходе работы над фольклорным контентом для музейной экспозиции о российских природных ландшафтах (*«Экспонирование фольклора в музее: возможности и ограничения»*). Специфика этого кейса состояла в том, что основным контрагентом исследователя здесь была не публика, а организатор — именно он предъявлял к фольклорному материалу определенные требования и ограничения (исходя из этого Василий считал более правильным называть его не организатором, а «заказчиком»). Эти ограничения касались главным образом содержания текстов: отфильтровывались недостаточно благопристойные, а также те, что как-то были связаны с религиозной тематикой. Однако из рассказа докладчика следовало, что взаимодействие между акторами было сложнее: не только заказчик ограничивал эксперта, но и последний отбраковывал предлагаемые заказчиком тексты на основании их «неаутентичности» (оказавшейся в глазах последнего сильным аргументом). Здесь эксперт предстает не агентом организатора (как в схеме Кирилла Королева), а скорее его оппонентом, и подбор фольклорного материала для музейной экспозиции оказывается не линейным процессом фильтрации и отбора предлагаемых экспертом текстов, а взаимодействием двух акторов, каждый из которых преследует свои интересы (хотя и имеет разные ресурсы).

Последний доклад конференции («Башкирский фольклор в пространстве современной культуры») касался не очередной формы популяризации фольклора, а был посвящен одному конкретному тексту — башкирскому эпосу Урал-Батыр. Отметив его особую значимость для башкирской культуры, Шаура Шакурова (БГПУ им. М. Акмуллы, ИСИ ГБНУ АН РБ) проследила судьбу эпоса от первых записей в начале XX в. до современности. Особое внимание докладчица уделила разным жанрам и формам освоения этого произведения в массовой культуре, продемонстрировав его проникновение едва ли не во все виды искусства от театра до комиксов. Отмечая и приветствуя заслуженную популярность эпоса в современной массовой культуре, исследовательница в то же время выразила обеспокоенность тем, что некоторые современные интерпретации отстоят слишком далеко от оригинала, радикально изменяя сюжет и образы произведения. Вольное обращение с текстом представляется докладчице недопустимым.

Учитывая, что изменчивость признается одним из определяющих свойств фольклора, такая тревога за сохранность текста в неизменном виде и неприятие «переписывания фольклора» в устах исследователя могут показаться неожиданными. Однако, похоже, что это отношение хорошо оттеняет ту двойственность, которая содержится в самой теме конференции: ведь «фольклор и мифология в научно-популярном пространстве» — это не только о том, как происходит популяризация знания о фольклоре и мифологии, но и о том, как они существуют сегодня на границах и за пределами науки. И хотя вторая оптика вполне легитимна и продуктивна, на конференции доминировала первая. Опираясь на предложенную в первых докладах схему взаимодействия между экспертами, организаторами и аудиторией, докладчики, как правило, выступали с позиции эксперта, то есть — участника описываемого процесса (а не отстраненного исследователя). И эта позиция закономерным образом задавала определенное видение описываемых явлений, их соответствующую проблематизацию и оценку, заметную даже по приведенному краткому обзору.

В этой оптике популяризация фольклора выглядит почти исключительно как *искажение* (научного знания) и *нарушение* (профессиональных конвенций), и потому эксперт, описывающий свой опыт популяризации в профессиональном сообществе, то и дело выступает с оправдывающейся позиции: указывает на вынужденный и неизбежный характер происходящих искажений, на незначительность допущенных нарушений или на позитивный эффект, значительно превышающий понесенные «убытки». «Отступление от академической точности», «сделка с совестью», «компромиссы», «вынужденная адаптация», «упрощенное написание», «снижать требования», «кошунство», «уплощаем очень сильно», «идти на уступки» — все эти цитаты из речи разных авторов красноречиво описывают доминирующий модус выступлений экспертов перед экспертами. Логичным и характерным следствием этой ситуации является идея о некой методичке, регулирующей эту сферу, то есть о новой корпоративной конвенции, определяющей границы допустимых искажений и нарушений при популяризации фольклора: раз они неизбежны, стоит договориться, на какие уступки ученый может пойти без угрозы для профессионального статуса, а на какие — нет. Однако утопичность и несостоятельность этой идеи представляется более чем очевидной.

Ход дискуссии и вопросы, поднимавшиеся на конференции, позволяют наметить альтернативный подход к обсуждаемой теме, основанный на отношении к фольклору в научно-популярном пространстве как к объекту исследования, а к популяризации — как к антропологическому полю (предусматривающему наряду с включением в него и необходимую исследовательскую дистанцию). Такой подход, как кажется, позволит преодолеть парадигму «искажения», распознать «популярный фольклор» не как эрзац «настоящего», а как самостоятельный культурный феномен и избавит участвующих в нем фольклористов от комплекса вины. Другими важными условиями для продуктивного осмысления этого феномена являются, во-первых, поддержание живого, откровенного и профессионального диалога на эту тему, а во-вторых, непременно включение в него не только экспертов, но и других участников процесса: организаторов (заказчиков) и аудитории. Отчасти это было реализовано на настоящей конференции. Как бы то ни было, состоявшаяся конференция — отличное и вдохновляющее начало этого долгого и интересного разговора.

Review

Kupriyanov P. S. Review of the conference «Folklore and Mythology in the popular Science space», CSF RGGU, April 24, 2025 [Обзор конференции «Folklor i mifologiya v nauchno-populiarnom prostranstve», TsTSF RGGU, 24 apreliia 2025 g.] *Anthropologies*, 2025, no 2, pp. 119–125, <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2025-2/119-125>

© Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Kupriyanov P. S. | e-mail: kuprianov-ps@yandex.ru | <https://orcid.org/0000-0001-9856-3159> | Senior Researcher, Institute of Ethnology and Anthropology RAS

